

Н.А. Добролюбов

**Когда же придет настоящий
день**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д55

Д55 **Добролюбов Н.А.**
Когда же придет настоящий день / Н.А. Добролюбов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 56 с.

ISBN 978-5-458-03565-1

Добролюбов, Н. А. (1836 - 1861) - русский критик. Сын священника; учился в духовном училище. В 1853 г. поступил в педагогический институт в Петербурге. Еще будучи студентом, Добролюбов стал посыпать свои критические статьи и заметки в передовые журналы того времени: "Современник" и "Отечественные Записки". По окончании института Добролюбов целиком отдается публицистической деятельности и становится одним из наиболее выдающихся сотрудников "Отечественных Записок". В своих статьях Добролюбов еще с большей определенностью, чем Белинский, выдвигал на первый план общественный момент в литературе и критике. С этой точки зрения Добролюбов приветствовал каждое новое произведение русской литературы, тесно связанное с общественной жизнью и написанное в реалистических тонах. Главнейшие критические статьи Добролюбова: "Когда же придет настоящий день", "Обломовщина", "Темное царство" и пр.

ISBN 978-5-458-03565-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Н.А. Добролюбов, 2021

Добролюбов Н А
Когда же придет
настоящий день

Николай Александрович Добролюбов
Когда же придет настоящий день?
(Накануне. Повесть И.С.Тургенева.
"Русский вестник", 1860 г., № 1-2.)
Schlage die Trommel und furchte dich nicht.
Heine*.

* Бей в барабан и не бойся. Гейне[*] (нем.).

Эстетическая критика сделалась теперь принадлежностью чувствительных барышень. Из разговоров с ними служители чистого искусства могут почерпнуть много тонких и верных замечаний и затем написать критику в таком роде: "Вот содержание новой повести г. Тургенева (рассказ содержания). Уже из этого бледного очерка видно, как много тут жизни и поэзии самой свежей и благоуханной. Но только чтение самой повести может дать понятие о том чутье к тончайшим поэтическим оттенкам жизни, о том остром психическом анализе, о том глубоком понимании невидимых струй и течений общественной мысли, о том дружелюбном и вместе смелом отношении к действительности, которые составляют отличительные черты таланта г. Тургенева. Посмотрите, например, как тонко подмечены эти психические черты (повторение одной части из рассказа содержания и затем - выписка); прочтите эту чудную сцену, исполненную такой грации и прелести (выписка); припомните эту поэтическую живую картину (выписка) или вот это высокое, смелое изображение (выписка). Не правда ли, что это проникает в глубину души, заставляет сердце ваше биться сильнее, оживляет и украшает вашу жизнь, возвышает пред вами человеческое достоинство и великое, вечное значение святых идей истины, добра и красоты! Comme c'est joli, comme c'est delieux!"*.

* Как это красиво, как это очаровательно! (франц.).

Малому знакомству с чувствительными барышнями одолжены мы тем, что не умеем писать таких приятных и безвредных критик. Откровенно признаваясь в этом и отказываясь от роли "воспитателя эстетического вкуса публики", мы избираем другую задачу, более скромную и более соразмерную с нашими силами. Мы хотим просто подвести итог тем данным, которые рассеяны в произведении писателя и которые мы принимаем как совершившийся факт, как жизненное явление, стоящее перед нами. Работа нехитрая, но нужная, потому что, за множеством занятий и отходов, редко кому придет охота самому всмотреться во все подробности литературного про-

изведения, разобрать, проверить и поставить на свое место все цифры, из которых составляется этот сложный отчет об одной из сторон нашей общественной жизни, и затем подумать об итоге и о том, что он обещает и к чему нас обязывает. А такого рода проверка и размышление очень небесполезны по поводу новой повести г. Тургенева.

Мы знаем, что чистые эстетики[*]* сейчас же обвинят нас в стремлении навязывать автору свои мнения и предписывать задачи его таланту. Поэтому говоримся, хоть это и скучно. Нет, мы ничего автору не навязываем, мы заранее говорим, что не знаем, с какой целью, вследствие каких предварительных соображений изобразил он историю, составляющую содержание повести "Накануне". Для нас не столько важно то, что хотел сказать автор, сколько то, что сказалось им, хотя бы и ненамеренно, просто вследствие правдивого воспроизведения фактов жизни. Мы дорожим всяким талантливым произведением именно потому, что в нем можем изучать факты нашей родной жизни, которая без того так мало открыта взору простого наблюдателя. В нашей жизни до сих пор нет публичности, кроме официальной; везде мы сталкиваемся не с живыми людьми, а с официальными лицами, служащими по той или другой части: в присутственных местах - с чистописателями, на балах - с танцорами, в клубах - с картежниками, в театрах - с парикмахерскими пациентами и т.д. Всякий хоронит дальше свою душевную жизнь; всякий так и смотрит на вас, как будто говорит: "ведь я сюда пришел, чтоб танцевать или чтоб прическу показать; ну, и будь доволен тем, что я делаю свое дело, и не вздумай, пожалуйста, выпытывать от меня мои чувства и понятия". И действительно, никто никого не выпытывает, никто никем не интересуется, и все общество идет врозь, досадуя, что должно сходить в официальных случаях, вроде новой оперы, званого обеда или какого-нибудь комитетского заседания. Где же тут узнать и изучить жизнь человеку, не посвятившему себя исключительно наблюдению общественных нравов? А тут еще какое разнообразие, какая даже противоположность в различных кругах и сословиях нашего общества! Мысли, сделавшиеся в одном круге пошлыми и отсталыми, в другом - еще жарко оспариваются; что у одних признается недостаточным и слабым, то другим кажется слишком резким и смелым и т.п. Что падает, что побеждает, что начинает водворяться и преобладать в нравственной жизни общества, - на это у нас нет другого показателя, кроме литературы, и преимущественно художественных ее произведений. Писатель-художник, не заботясь ни о каких общих заключениях относительно

состояния общественной мысли и нравственности, всегда умеет, однако же, уловить их существеннейшие черты, ярко осветить и прямо поставить их перед глазами людей размышляющих. Вот почему и полагаем мы, что как скоро в писателе-художнике признается талант, то есть уменье чувствовать и изображать жизненную правду явлений, то, уже в силу этого самого признания, произведения его дают законный повод к рассуждениям о той среде жизни, о той эпохе, которая вызвала в писателе то или другое произведение. И меркою для таланта писателя будет здесь то, до какой степени широко захвачена им жизнь, в какой мере прочны и многообъятны те образы, которые им созданы.

* Примечания к словам, отмеченным [*], см. в конце текста.

Мы сочли нужным высказать это для того, чтобы оправдать свой прием толковать о явлениях самой жизни на основании литературного произведения, не навязывая, впрочем, автору никаких заранее сочиненных идей и задач. Читатель видит, что для нас именно те произведения и важны, в которых жизнь сказалась сама собою, а не по заранее придуманной автором программе. О "Тысяче душ"[*], например, мы вовсе не говорили, потому что, по нашему мнению, вся общественная сторона этого романа насилино пригнана к заранее сочиненной идеи. Стало быть, тут не о чем и толковать, кроме того, в какой степени ловко составил автор свое сочинение. Положиться на правду и живую действительность фактов, изложенных автором, невозможно, потому что внутреннее отношение его к этим фактам не просто и не правдиво. Совсем не такие отношения автора к сюжету видим мы в новой повести г. Тургенева, как и в большей части его повестей. В "Накануне" мы видим неотразимое влияние естественного хода общественной жизни и мысли, которому невольно подчинилась сама мысль и воображение автора.

Поставляя главной задачею литературной критики - разъяснение тех явлений действительности, которые вызвали известное художественное произведение, мы должны заметить притом, что в приложении к повестям г. Тургенева эта задача имеет еще собственный смысл. Г. Тургенева по справедливости можно назвать живописателем и певцом той морали и философии, которая господствовала в нашем образованном обществе в последнее двадцатилетие. Он быстро угадывал новые потребности, новые идеи, вносимые в общественное сознание, и в своих произведениях непременно обращал (сколько позволяли обстоятельства) внимание на вопрос, стоявший на очереди и уже смутно начинавший волновать общество. Мы на-

деемся при другом случае проследить всю литературную деятельность г.Тургенева и потому теперь не станем распространяться об этом. Скажем только, что этому чутью автора к живым струнам общества, этому уменью тотчас отозваться на всякую благородную мысль и честное чувство, только что еще начинающее проникать в сознание лучших людей, мы приписываем значительную долю того успеха, которым постоянно пользовался г.Тургенев в русской публике. Конечно, и литературный талант сам по себе многое помог этому успеху. Но читатели наши знают, что талант г.Тургенева не из тех титанических талантов, которые, единственно силою поэтического представления, поражают, захватывают вас и влекут к сочувствию такому явлению или идее, которым вы вовсе не расположены сочувствовать. Не бурная, порывистая сила, а напротив - мягкость и какая-то поэтическая умеренность служат характеристическими чертами его таланта. Поэтому мы полагаем, что он не мог бы вызвать общую симпатию публики, если бы касался вопросов и потребностей, совершенно чуждых его читателям или еще не возбужденных в обществе. Некоторые заметили бы прелест поэтических описаний в его повестях, тонкость и глубину в очертаниях разных лиц и положений, но, без всякого сомнения, этого было бы недостаточно для того, чтобы сделать прочный успех и славу писателю. Без живого отношения к современности всякий, даже самый симпатичный и талантливый повествователь должен подвергнуться участи г.Фета, которого и хвалили когда-то, но из которого теперь только десяток любителей помнит десяток лучших стихотворений. Живое отношение к современности спасло г.Тургенева и упрочило за ним постоянный успех в читающей публике. Некоторый глубокомысленный критик[*] даже упрекал когда-то г.Тургенева за то, что в его деятельности так сильно отразились "все колебания общественной мысли". Но мы, несмотря на это, видим здесь именно самую жизненную сторону таланта г.Тургенева и этой стороной объясняем, почему с такой симпатией, почти с энтузиазмом встречалось до сих пор каждое его произведение.

Итак, мы можем сказать смело, что, если уже г.Тургенев тронул какой-нибудь вопрос в своей повести, если он изобразил какую-нибудь новую сторону общественных отношений, - это служит ручательством за то, что вопрос этот действительно подымается или скоро подымется в сознании образованного общества, что эта новая сторона жизни начинает выдаваться и скоро выкажется резко и ярко перед глазами всех. Поэтому каждый раз при появлении повести г.Тургенева делается любопытным вопрос: какие же стороны жизни

изображены в ней, какие вопросы затронуты?

Вопрос этот представляется и теперь, и в отношении к новой повести г. Тургенева он интереснее, чем когда-либо. До сих пор путь г. Тургенева, сообразно с путем развития нашего общества, был довольно ясно намечен в одном направлении. Исходил он из сферы высших идей и теоретических стремлений и направлялся к тому, чтобы эти идеи и стремления внести в грубую и пошлую действительность, далеко от них уклонившуюся. Сборы на борьбу и страдания героя, хлопотавшего о победе своих начал, и его падение пред подавляющей силой людской пошлости и составляли обыкновенно интерес повестей г. Тургенева. Разумеется, самые основания борьбы, то есть идеи и стремления, видоизменялись в каждом произведении или, с течением времени и обстоятельств, выказывались более определенно и резко. Таким образом, Лишнего человека сменил Пасынков, Пасынкова - Рудин, Рудина - Лаврецкий[*]. Каждое из этих лиц было смелее и полнее предыдущих, но сущность, основа их характера и всего их существования была одна и та же. Они были вносители новых идей в известный круг, просветители, пропагандисты, - хоть для одной женской души, да пропагандисты. За это их очень хвалили, и точно - в свое время они, видно, очень нужны были, и дело их было очень трудно, почтенно и благотворно. Недаром же все встречали их с такой любовью, так сочувствовали их душевным страданиям, так жалели об их бесплодных усилиях. Недаром никто тогда и не думал заметить, что все эти господа - отличные, благородные, умные, но в сущности бездельные люди. Рисуя их образы в разных положениях и столкновениях, сам г. Тургенев относился к ним обыкновенно с трогательным участием, с сердечной болью об их страданиях и то же чувство возбуждал постоянно в массе читателей. Когда один мотив этой борьбы и страданий начинал казаться уже недостаточным, когда одна черта благородства и возвышенности характера начинала как будто покрываться некоторой пошлостью, г. Тургенев умел находить другие мотивы, другие черты и опять попадал в самое сердце читателя и опять возбуждал к себе и своим героям восторженную симпатию. Предмет казался неистощимым.

Но в последнее время в нашем обществе обнаружились довольно заметно требования, совершенно отличные от тех, которыми вызван был к жизни Рудин и вся его братия. В отношении к этим лицам в понятиях образованного большинства произошло коренное изменение. Вопрос пошел уже не о видоизменении тех или других мотивов, тех или других начал их стремлений, а о самой сущности

их деятельности. В течение того периода времени, пока рисовались перед нами все эти просвещенные поборники истины и добра, красноречивые страдальцы возвышенных убеждений, подросли новые люди, для которых любовь к истине и честность стремлений уже не в диковинку. Они с детства, неприметно и постоянно, напитывались теми понятиями и стремлениями, для которых прежде лучшие люди должны были бороться, сомневаться и страдать в зрелом возрасте*. Поэтому самый характер образования в нынешнем молодом обществе получил другой цвет. Те понятия и стремления, которые прежде давали титло** передового человека, теперь уже считаются первой и необходимой принадлежностью самой обыкновенной образованности. От гимназиста, от посредственного кадета, даже иногда от порядочного семинариста вы услышите ныне выражение таких убеждений, за которые в прежнее время должен был спорить и горячиться, например, Белинский. И гимназист или кадет высказывают эти понятия, - так трудно, с бою доставшиеся прежде, - совершенно спокойно, без всякого азарта и самодовольства, как вещь, которая иначе и быть не может и даже немыслима иначе.

* Нас уже упрекали однажды в пристрастии к молодому поколению и указывали на пошлость и пустоту, которой оно предается в большей части своих представителей. Но мы никогда и не думали отстаивать всех молодых людей огулом, да это и не согласно было бы с нашей целью. Пошлость и пустота составляют достояние всех времен и всех возрастов. Но мы говорили и теперь говорим о людях избранных, людях лучших, а не о толпе, так как и Рудин и все люди его закала принадлежали ведь не к толпе же, а к лучшим людям своего времени. Впрочем, мы не будем неправы, если скажем, что и в массе общества уровень образования в последнее время все-таки возвысился. (Примеч. Н.А.Добролюбова.)

** Титло (гитул) - почетное звание.

Встречая человека так называемого прогрессивного направления, никто уже теперь из порядочных людей не предается удивлению и восторгу, никто не смотрит ему в глаза с немым благоговением, не жмет ему таинственно руки и не приглашает шепотом к себе, в кружок избранных людей, - поговорить о том, что неправосудие и рабство гибельны для государства. Напротив, теперь с невольным, презрительным изумлением останавливаются перед человеком, который выказывает недостаток сочувствия к гласности, бескорыстию, эманципации* и т.п. Теперь даже люди, в душе не любящие

прогрессивных идей, должны показывать вид, что любят их, для того чтобы иметь доступ в порядочное общество. Ясно, что при таком положении дел прежние сеятели добра, люди рудинского закала, теряют значительную долю своего прежнего кредита. Их уважают, как старых наставников; но редко кто, вошедши в свой разум, расположен выслушивать опять те уроки, которые с такою жадностью принимались прежде, в возрасте детства и первоначального развития. Нужно уже нечто другое, нужно идти дальше**.

* Эманципация, или эмансипация (с франц.) - освобождение от зависимости, в частности освобождение женщин их состояния экономического и правового угнетения и уравнение их в правах с мужчинами.

** Против этой мысли может, по-видимому, свидетельствовать необыкновенный успех, которым встречаются издания сочинений некоторых наших писателей сороковых годов. Особенно ярким примером может служить Белинский[*], которого сочинения быстро разошлись, говорят, в количестве 12000 экземпляров. Но, по нашему мнению, этот самый факт служит лучшим подтверждением нашей мысли Белинский был передовой из передовых, дальше его не пошел ни один из его сверстников, и там, где расхватано в несколько месяцев 12000 экземпляров Белинского, Рудиным просто уже делать нечего. Успех Белинского доказывает вовсе не то, что его идеи еще новы для нашего общества и требуют больших усилий для распространения, а именно то, что они дороги и святы теперь для большинства и что их проповедование теперь уже не требует от новых деятелей ни героизма, ни особенных талантов. (Примеч. Н.А.Добролюбова).

"Но, - скажут нам, - ведь общество не дошло же до крайней точки в своем развитии; возможно дальнейшее совершенствование умственное и нравственное. Стало быть, нужны для общества и руководители, и проповедники истины, и пропагандисты, словом - люди рудинского типа. Все прежнее принято и вошло в общее сознание, - положим. Но это не исключает возможности того, что явятся новые Рудины, проповедники новых, высших тенденций, и опять будут бороться и страдать, и опять возбуждать к себе симпатию общества. Предмет этот, действительно, неистощим в своем содержании и постоянно может приносить новые лавры такому симпатичному писателю, как г. Тургенев".

Жалко было бы, если бы подобное замечание оправдалось именно теперь. К счастию, оно, кажется, опровергается последним

движением литературы нашей. Рассуждая отвлеченно, нельзя не сознаться, что мысль о вечном движении и вечной смене идей в обществе, а следовательно, и о постоянной необходимости проповедников этих идей - вполне справедлива. Но ведь нужно же принять во внимание и то, что общества живут не затем только, чтоб рассуждать и меняться идеями. Идеи и их постепенное развитие только потому и имеют свое значение, что они, рождаясь из существующих уже фактов, всегда предшествуют изменениям в самой действительности. Известное положение дел создает в обществе потребность, потребность эта сознается, вслед за общим сознанием ее должна явиться фактическая перемена в пользу удовлетворения сознанной всеми потребности. Таким образом, после периода сознавания известных идей и стремлений должен являться в обществе период их осуществления; за размышлениеми и разговорами должно следовать дело. Спрашивается теперь: что же делало наше общество в последние 20-30 лет? Покамест ничего. Оно училось, развивалось, слушало Рудиных, сочувствовало их неудачам в благородной борьбе за убеждения, приготовлялось к делу, но ничего не делало... В голове и сердце накопилось так много прекрасного; в существующем порядке дел замечено так много нелепого и бесчестного; масса людей, "сознающих себя выше окружающей действительности", растет с каждым годом, - так что скоро, пожалуй, все будут выше действительности... Кажется, нечего желать, чтоб мы продолжали вечно идти этим томительным путем разлада, сомнения и отвлеченных горестей и утешений. Кажется, ясно, что теперь нужны нам не такие люди, которые бы еще более "возвышали нас над окружающей действительностью", а такие, которые бы подняли - или нас научили поднять - самую действительность до уровня тех разумных требований, какие мы уже сознали. Словом, нужны люди дела, а не отвлеченных, всегда немножко эпикурейских рассуждений*.

* Эпикурейство (с греч.) - склонность к чувственным удовольствиям, к изнеженной жизни; здесь: рассуждения, далекие от жизни, от требований действительности.

Сознание этого хотя смутно, но уже во многих выразилось при появлении "Дворянского гнезда". Талант г.Тургенева, вместе с его верным тактом действительности, вынес его и на этот раз с торжеством из трудного положения. Он умел поставить Лаврецкого так, что над ним неловко иронизировать, хотя он и принадлежит к тому же роду бездельных типов, на которые мы смотрим с усмешкой. Драматизм его положения заключается уже не в борьбе с собствен-